

Оригинальная статья
УДК 811.161.1'42
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-127-138>

Прагматический синкретизм в функционировании хеджей (на материале русскоязычного научного дискурса)

Елена Юрьевна Викторова

*Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия,
Helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>*

Введение. Статья посвящена прагматическому синкретизму и особенностям его проявления в хеджах – коммуникативных единицах, используемых для снижения категоричности речи и деинтенсификации высказывания. Хеджи рассматриваются в качестве разновидности дискурсивных маркеров (дискурсивов), ориентированных на взаимодействие автора и адресата.

Методология и источники. Исследование выполнено на материале речевого жанра официального отзыва на диссертацию, отличающегося подчеркнутой некатегоричностью, что обусловлено публичным характером защиты диссертации, предварительными положительными отзывами на нее, возможным личным знакомством участников защиты (соискателей, научных руководителей и оппонентов). Проанализированы 64 русскоязычных отзыва по лингвистике, литературоведению, истории, химии, физике и медицине в объеме около 90 тыс. словоупотреблений.

Результаты и обсуждение. Вводится понятие прагматического синкретизма, суть которого заключается в том, что одна языковая единица используется для одновременной передачи ряда функциональных значений в процессе реализации нескольких иллокутивных задач. В процессе исследования выделены две разновидности хеджей: 1) специализированные, выполняющие исключительно функцию снижения категоричности речи и 2) неспециализированные (синкретичные), дополнительно к функции снижения категоричности выполняющие еще и другие: авторизации (самоупоминания), перформативную, оценочную по отношению к содержанию высказывания и по отношению к использованным словам (рефлексивную). Согласно полученным количественным данным, синкретичные хеджи составляют 52 % от всех хеджей в текстах отзывов. С прагматических позиций проанализированы случаи использования синкретичных хеджей при реализации ими стратегий неопределенности, субъективизации и деперсонализации. Чаще всего синкретически реализуются стратегии субъективизации и деперсонализации.

Заключение. Делается вывод о склонности хеджей к проявлению синкретизма, что может быть связано с изначально присущими хеджам субъективно-модальными значениями, которые реализуются целостным, единым, нерасчлененным образом. Онтологическое основание этой тенденции видится в симбиотическом мышлении человека, естественно и продуктивно совмещающем чувственные и рациональные начала.

Ключевые слова: хедж, хеджинг, дискурсив, дискурсивный маркер, синкретизм, отзыв на диссертацию, научный дискурс, русский язык

© Викторова Е. Ю., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Викторова Е. Ю. Прагматический синкретизм в функционировании хеджей (на материале русскоязычного научного дискурса) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 127–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-127-138.

Original paper

Pragmatic Syncretism in the Use of Hedges (Based on Russian Thesis Reviews)

Elena Yu. Viktorova

*Saratov State University, Saratov, Russia,
Helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>*

Introduction. The article deals with pragmatic syncretism and syncretic aspects of hedges – words and phrases used to mitigate claims, that is make them vaguer, more tentative and more uncertain. Hedges are looked upon as a type of discourse markers which are focused on the writer-reader interaction and the writer's self-presentation.

Methodology and sources. The research is based on the speech genre of the official thesis review known for its especially mitigated language, which may be determined by publicity of thesis defences at a viva voce in Russia, positive evaluation of thesis made at a preference stage and potential personal relations of the degree seeker, their supervisor and the reviewer. The corpus of 64 reviews (about 90 000 words) written by Russian scholars was analyzed including reviews in linguistics, literature studies, history, physics, chemistry and medicine.

Results and discussion. The author introduces the notion of pragmatic syncretism which involves the merging or assimilation of several pragmatic functions performed by one linguistic unit while realizing several illocutionary tasks. The research allowed to single out two varieties of hedges: 1) single purpose hedges aimed only at mitigation of claims and 2) general purpose hedges aimed at mitigation of claims together with some other interactive task. Among these additional tasks are the following: authorization (self-mentions), performative, evaluative in relation both to the proposition or to the words used by the author. According to the quantitative analysis, syncretic hedges make up 52 % of all hedges used in the reviews. The author provides the pragmatically oriented analysis of syncretic hedges realizing strategies of indetermination, subjectivisation and depersonalization. Strategies of subjectivisation and depersonalization are registered as most frequent.

Conclusion. It is emphasized that hedges are predisposed to syncretic usage due to their inherent modal meanings which are realized integrally and which are, therefore, difficult to specify. The ontological ground of this tendency is associated with the symbiotic nature of human thinking where rational and sensuous baselines are naturally and productively reconciled.

Keywords: hedge, hedging, discursive, discourse marker, syncretism, thesis review, academic discourse, Russian language

For citation: Viktorova, E.Yu. (2023), "Pragmatic Syncretism in the Use of Hedges (Based on Russian Thesis Reviews)", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 127–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-127-138 (Russia).

Введение. Данная статья посвящена исследованию синкретичной природы хеджей (от англ. *hedge* – барьер, преграда, изгородь) – разновидности дискурсивных маркеров (или дискурсивов), выполняющих функцию деинтенсификации, снижения категоричности и иллокутивной силы высказывания [1–4].

Дискурсивы рассматриваются нами как система вспомогательных единиц коммуникации (вспомогательная система дискурса), выражающих дискурсивно-прагматическую информацию, функционирующих в интересах адресата, и в какой-то степени автора, и помогающих им правильно и адекватно порождать, реализовывать и интерпретировать дискурс. Вспомогательные единицы используются в дискурсе наряду с основными единицами коммуникации, выражающими фактуальную информацию. На основании выполняемых функций мы выделяем две большие группы дискурсивов: дискурсивы-организаторы и дискурсивы-регулятивы. Организаторы ориентированы на связность, цельность и логичность дискурса (*итак; далее; поэтому; в этой связи; кроме того*), а регулятивы – на взаимодействие автора и адресата (*очевидно; скорее всего; можно сказать; главное; вероятно; думается*) [5]. Вспомогательная система дискурса характеризуется как динамическая система с неоднородным и транскатегориальным составом единиц, объединяющим слова разных частей речи, словосочетания, устойчивые обороты и предикативные конструкции. Динамизм этой системы мы связываем с ее подвижностью и способностью постоянно пополняться за счет вхождения в ее состав основных единиц, утрачивающих свое первоначальное лексическое значение в процессе прагматикализации и грамматикализации. Кроме того, для многих дискурсивов характерны такие языковые явления, как синкретизм, диффузность и полифункциональность [6], обеспечивающие подвижность состава исследуемой системы.

В данной статье речь пойдет о синкретизме хеджей, относящихся к группе дискурсивов-регулятивов. Их синкретизм выражается в том, что помимо упомянутых выше функций снижения категоричности хеджи одновременно выполняют и некоторые другие дискурсивные функции в рамках вспомогательной системы.

Методология и источники. Исследование выполнено на материале оценочного научного дискурса, а именно на материале жанра официального отзыва на диссертацию. Выбор отзыва в качестве объекта исследования неслучаен и обусловлен особенной некатегоричной природой жанра официального отзыва. Его некатегоричность объясняется не столько принадлежностью этого жанра научной сфере, которой в целом присуща некатегоричность, сколько открытым, публичным характером всей процедуры защиты диссертации в РФ, а также часто личным знакомством участников коммуникации – соискателей, их научных руководителей и оппонентов. Более того, к защите, как правило, допускаются диссертации, уже прошедшие все предварительные этапы рецензирования, имеющие общую положительную оценку рецензентов и тем самым защищенные от категоричности, которая может сопровождать отрицательный отзыв. Некатегоричность отличает жанр официального отзыва от других оценочных жанров, например жанра анонимной (слепой) рецензии, которому, напротив, часто свойственна жесткая категоричность.

Источником материалов послужили сайты диссертационных советов двух университетов – Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского¹ и Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского². Всего было исследовано 64 отзыва по гуманитарным и естественно-научным дисциплинам (лингвистике, литературоведению, истории, химии, физике и медицине) общим объемом около 90 тыс. слово-

¹ <https://www.sgu.ru/research/dissertation-council>

² <http://www.sgmu.ru/sci/dissov>

употреблений. Использовались методы контекстного наблюдения, дискурсивного анализа, количественный и сравнительный методы. Цель исследования – выявить специфику синкретизма в зарегистрированных хеджах, определить виды синкретизма и специфику функционирования синкретичных хеджей в жанре отзыва на диссертацию.

Результаты и обсуждение. Под синкретизмом мы вслед за многими исследователями этого лингвистического явления (Л. Ельмслев, В. В. Бабайцева, К. Э. Штайн, И. В. Высоцкая, М. А. Павлюковец, М. Вас. Пименова, В. А. Береснева, О. Н. Санжарова и др.) понимаем неоднозначность значения языковой единицы, которая выражается в совмещении или совпадении различных значений в одной форме [7–16]. Синкретизм изучается в русле теории переходности, разработанной В. В. Бабайцевой и ее учениками [8–10], и, по совершенно справедливому ее замечанию, «свойствен всем уровням языка и речи» [8, с. 446]. По мнению М. Вас. Пименовой, «синкретизм как выражение формально-содержательной языковой асимметрии представляет собой объективное языковое явление, а не языковой “изъян”» [13, с. 42]. Исследователи лингвистического синкретизма сходятся на его определении как системного универсального свойства языка, видят в нем выражение онтологического синкретизма, синкретичности мышления [14], проявляющегося «единством чувственного и рационального мышления» [11, с. 85].

Подавляющее большинство исследований сосредоточены на лексико-семантическом и грамматическом (морфологическом и синтаксическом) синкретизме [7–16], есть отдельные работы о речевом синкретизме (например, [17]). Специальных исследований, посвященных прагматическим аспектам синкретизма с опорой на особенности функционирования языковых единиц в речи, очень мало [18, 19]. Поскольку прагматический аспект является центральным в изучении дискурсивов, в данной статье остановимся именно на нем.

Хеджи как коммуникативные единицы и хеджинг как коммуникативная категория начали изучаться в начале 70-х гг. XX в. американскими лингвистами. Дж. Лакофф описал такие английские слова и сочетания, как *rather* (довольно, скорее), *largely* (главным образом), *in a manner of speaking* (в некотором роде), с точки зрения их способности менять степень истинности высказывания [20]. В современной лингвистике хеджинг включает в себя круг прагматических значений, способствующих деинтенсификации суждения, т. е. его некатегоричности, неопределенности, нечеткости [1–4].

С нашей точки зрения, класс хеджей, как и все дискурсивы [5], в прагматическом плане имеет условную полевую структуру с ядром и периферией. Ядро поля хеджей составляют специализированные средства выражения некатегоричности, смягчения, неуверенности: например, *возможно, вряд ли, видимо, вероятно, может быть, казалось бы*. Периферия поля представлена неспециализированными средствами, т. е. хеджами, которые помимо выражения некатегоричности выполняют еще какие-то функции, и в этих хеджах функция смягчения категоричности выступает как дополнительная к основной, доминантной функции: *я думаю; представляется; можно сказать; позволим себе отметить; мне кажется*. Такие хеджи, которые выполняют несколько прагматических функций одновременно, предлагаем называть синкретичными и рассматриваем их в рамках так называемого прагматического синкретизма, суть которого нам видится в использовании одной языковой единицы (означающего) для передачи нескольких (двух или больше) функциональных значений (означаемых) при реализации нескольких иллокутивных целей.

Подчеркнем, что прагматический синкретизм типичен для дискурсивов более, чем для каких-либо других языковых/речевых единиц. Представляется, что это происходит по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, дискурсивы характеризуются отсутствующим либо ослабленным денотативным значением, их функциональное значение трудно определяемое, нечеткое и размытое, и, кроме того, их значения часто определяются как целостные, слитные, не вытекающие из значений отдельных компонентов. Во-вторых, дискурсивы исследуются главным образом через свое употребление, т. е. на уровне своей прагматической специфики, которая появилась у этих единиц в ходе исторических процессов грамматикализации, прагматикализации и реже лексикализации.

Если выделить из всего многообразия дискурсивов те, которые чаще всего реализуют свой синкретизм, это будут именно хеджи, субъективно-модальные значения которых просто обречены на неоднозначность и многоплановость. По словам В. Н. Телии, «модальность, входящая в содержание коннотации, создает двуплановость высказываний, включающих слова, за которыми данная модальность закреплена» [21, с. 28]. В. Н. Телия и вслед за ней и М. Вас. Пименова относят модальные значения, а также оценочные, образные, экспрессивные и эмоциональные к коннотативным, т. е. добавочным значениям, которые дополняют основное предметное значение слова. М. Вас. Пименова называет такие значения нерасчлененными когнитивно-прагматическими, имея в виду сочетание в слове когнитивного (предметно-логического) и прагматического (эмоционально-рационального и/или мелиоративного/пейоративного) компонентов [13]. Многие хеджи по типу выражаемой ими информации сочетают в себе свойства вспомогательных и основных единиц коммуникации [6] и, значит, действительно обладают когнитивно-прагматическим значением. Мы называем этот синкретизм внешним, поскольку функции таких хеджей выходят за пределы поля вспомогательных единиц дискурса (подробнее о проявлениях внешнего синкретизма в дискурсивах см. [19]). В данной статье проанализируем случаи внутреннего синкретизма, проявляющегося исключительно в границах класса хеджей.

Отметим еще один важный момент в отношении нашего понимания синкретизма. Во многих исследованиях [7–16] термин «синкретизм» применяется относительно как контекстно разрешаемых случаев синкретизма, так и контекстно неразрешаемых случаев. Мы полагаем, что эти случаи следует терминологически разграничивать, и предлагаем называть синкретизмом только случаи одновременного, в одном и том же контексте проявления нескольких прагматических значений одного дискурсива. Такой синкретизм в нашем понимании является контекстно неразрешаемым, и именно ему посвящена данная статья. Тем не менее в дискурсивах реализуется и контекстно разрешаемый синкретизм, который мы относим к явлениям полифункциональности. В этом случае потенциально полифункциональный дискурсив реализует в конкретном контексте только одну из своих функций (например, дискурсив *вот* может использоваться либо как акцентив, либо как хезитатив) (подробнее см. [6]). Полифункциональные дискурсивы в данной статье не рассматриваем.

Существуют разные подходы к классификации хеджей, практически все они основаны на функциональных свойствах данных единиц. Как отдельные типы были выделены пропозициональные хеджи, модифицирующие степень истинности высказывания [20], речеактовые хеджи, снижающие иллокутивную силу речевого акта [22], перформативные хеджи,

смягчающие силу перформативного глагола [4], хеджи-аппроксиматоры со значением приблизительности, хеджи-атрибуции, содержащие ссылки на источник информации, хеджи достоверности, преуменьшения и др. [4, 23]. Кроме отдельных типов хеджей были разработаны более общие подходы к их типологии. Так, К. Хайланд в качестве критериев для типологии рассматривает участников коммуникативной ситуации и выделяет хеджи, ориентированные на содержание высказывания, на автора и на читателя [1, 2]. П. Мартин-Мартин классифицирует хеджи исходя из реализуемых ими стратегий неопределенности, субъективизации и деперсонализации [24]. Надо сказать, что и К. Хайланд, и П. Мартин-Мартин признают условность своих классификаций, что выражается в возможности одновременного выражения двух и более стратегий или одновременной ориентации на двух и более участников ситуации, т. е., используя нашу терминологию, исследователи признают потенциальную синкретичность хеджей.

Проанализируем на примерах из русскоязычных отзывов на диссертацию случаи синкретичной реализации хеджирующих стратегий неопределенности, субъективизации и деперсонализации. Например, в типичных для научной речи в целом и для отзывов в частности авторизирующих конструкциях с опущенным подлежащим: *думаем; полагаем; подведем итоги; добавим; отметим; читаем; укажем на...; хотим уточнить; согласимся; позволим себе* – одновременно проявляются две, казалось бы, противоположно направленные стратегии – субъективизации и деперсонализации. С одной стороны, эти фразы сообщают нам о мнении или логических действиях автора, совершающихся по ходу его рассуждения, т. е. придают тексту личностное, субъективное звучание, а с другой стороны, это звучание благодаря отсутствию местоимения приглушается (местоимение отсутствует, хотя и легко восстанавливается – *мы*). В результате возникает эффект снижения ответственности автора за свои утверждения и более объективированного изложения. Выводя свою фигуру за рамки изложения, автор как бы придает своим речемыслительным действиям более умеренный характер. В результате в такой манере авторской самопрезентации возникает некая двойственность, которая, впрочем, для научной речи является нормативной, и авторов научного дискурса ничуть не смущает (и, вероятнее всего, даже ими не замечается).

Не менее стандартными для научной речи являются и хеджи типа *думается; представляется; хотелось бы добавить; хочется уточнить; хочется поразмышлять; кажется неудачным*. Как и в вышеописанных хеджах, здесь тоже представлены стратегии субъективизации и деперсонализации. С помощью этих хеджей передаются авторские мнения, желания и отношения, но форма этой передачи еще более косвенная, чем у вышеописанных случаев: данные формы возвратных глаголов являются безличными и при отсутствии подлежащего (или, точнее, детерминанта – *мне, нам, вам*) не позволяют однозначно указать на субъект действия. Вероятно, с помощью таких хеджей автор так или иначе уводит себя в тень, тем самым смягчая свои суждения и некоторым образом снимая с себя ответственность за сказанное. Таким образом, семантика глаголов в составе этих хеджей дает основание отнести их к хеджам, реализующим стратегию субъективизации, а форма глагола – к хеджам, демонстрирующим деперсонализацию. Полагаем, что деперсонализация у этих хеджей выражена более явно, чем у хеджей типа *считаем; добавим* и т. п. В редких случаях в хеджах с возвратными глаголами лицо выражается падежной формой личного местоимения: *нам*

видится; нам хотелось бы уточнить; как нам показалось. Однако данные дискурсивы все равно остаются деперсонализированными, а значит хеджированными, по сравнению, например, с *мы видим* или *мы хотели бы уточнить*.

Выделим еще одну группу синкретичных хеджей: *можно согласиться; можно добавить; можно признать.* В этих хеджах нам видится синкретичное проявление стратегий неопределенности и деперсонализации: семантика модального предикатива *можно* передает значение возможности, необязательности, неуверенности, а категория лица при этом реализована имплицитно: понятно, что, говоря о возможности согласия или признания, автор имеет в виду эту возможность для себя, но свое присутствие он в речи не эксплицирует. Подобное сочетание этих же стратегий можно увидеть и в дискурсивах *достаточно вспомнить; трудно не согласиться.*

На наш взгляд, специфика выделенных П. Мартин-Мartiном стратегий состоит в их некоторой равноположенности относительно друг друга, ни одна из них не является более или менее главной, возможно, поэтому они довольно свободно объединяются друг с другом.

Как уже было отмечено, наше представление о хеджах связано с их полевым устройством, в результате которого хеджи делятся на ядерные специализированные (с одной функцией) и периферийные неспециализированные (с более чем одной функцией, выполняемых одновременно), т. е. синкретичные. С нашей точки зрения, в зону последних входят дискурсивы, доминантными функциями которых являются следующие: авторизация (авторское самоупоминание), перформативная (называние автором своего ментального или речевого действия), оценочная по отношению к содержанию высказывания или по отношению к употребляемым автором словам (рефлексивная). Для всех синкретичных хеджей функция снижения категоричности является дополнительной.

По данным проведенного нами количественного анализа, две разновидности хеджей в отзывах представлены примерно в равных долях: специализированные составляют 52 % от всех хеджей, синкретичные – 48 %. Авторизирующие конструкции самоупоминания являются самой большой подгруппой синкретичных хеджей в нашем материале. Самоупоминания в форме прямого называния себя личным местоимением *я/мы* в именительном падеже встречаются значительно реже косвенных самоупоминаний, при этом конструкции с *мы* преобладают (*я встретилось лишь однажды; я бы рекомендовал; мы вправе задать вопрос; мы добавили бы; мы считаем; мы полагаем; как мы понимаем; мы допускаем.* В таких хеджах некатегоричность выражается путем указания на то, что данное суждение является лишь мнением автора, которое не претендует на абсолютную истину. Использование *мы* вместо *я* тоже является способом хеджировать свое высказывание: можно спрятаться «за широкую спину» более авторитетного, надежного, но и более неопределенного (*мы* – это кто?) местоимения множественного числа, сохранить свое лицо в случае критики и снизить ответственность за свои суждения. Семантика *мы* в отличие от *я* отличается диффузностью и не всегда полностью раскрывается даже в контексте [25].

Все остальные способы самоупоминания являются косвенными и, хотя они тоже указывают на мнение автора, снижение ответственности демонстрируется в них более явно. Представим эти хеджи в порядке усиления в них эффекта хеджинга: с местоимениями *я/мы* в косвенных падежах (*нам видится; нам думается; нам представляется; мне кажется; как*

нам показалось), с имплицитным местоимением (*полагаем; допустим; согласимся; как видим*), с притяжательными местоимениями *мой/наш* (*на мой/наш взгляд; по-нашему мнению; с нашей точки зрения; вызывает наше согласие*). Как можно видеть, все эти хеджи вместе с квалификацией своего суждения как своего мнения демонстрируют некатегоричность автора через уклонение от прямого выражения мнения, которое могло бы быть представлено дискурсивом *я думаю, что...*, встречающегося в русской научной письменной речи все еще довольно редко даже в речи докторов наук.

Перформативные хеджи в чем-то близки авторизирующим конструкциям: в них тоже иногда присутствуют глагольные формы 1-го лица чаще множественного числа (*выскажем замечания; хотим уточнить; позволим себе; дадим слово*), но глаголы являются ментально перформативными – сообщают о действиях, совершаемых автором в процессе изложения. В некоторых случаях перформативные хеджи представлены конструкциями с безличными глаголами (*хочется поразмышлять; хочется прокомментировать; думается; представляется; хотелось бы назвать*), но самыми частотными являются хеджи с модальным предикативом *можно*, подчеркивающим возможность того или иного действия, или наречиями (предикативами) с оценочным значением: *можно утверждать; можно пойти дальше; можно считать; в качестве примеров можно указать; трудно не согласиться; можно не согласиться*. Иногда перформативы выражаются безагенсными конструкциями, которые за счет деперсонализации субъекта действия имеют хеджирующий эффект (*возникают замечания; возникает вопрос*), либо даже безглагольными конструкциями (*еще одно замечание по источникам; еще несколько наблюдений*).

В перформативах эффект некатегоричности речи создается путем частичного или полного выведения субъекта действия за пределы высказывания: указание на того, у кого именно возникают замечания и вопросы, кому можно утверждать, кому хочется поразмышлять, в тексте отсутствует (хотя, конечно, все понимают, что речь идет об авторе отзыва). Безличные, безагенсные, модальные перформативы являются отличительной чертой русской научной речи, ведь это очень удобные формы русского языка (в английском, например, такие конструкции невозможны), помогающие избежать рисков, уйти от ответственности. В то же время они дают возможность ученому уйти от неопределенного *мы*, употребление которого все чаще признается в русском научном дискурсе устаревшим и неуместным [26], хотя в итоге выбор делается в сторону еще более неопределенных по сути конструкций.

Слияние оценивающей функции и функции снижения категоричности наблюдаем в хеджах-оценках, сопровождающих отрицательные оценочные суждения в отзывах, чаще всего имеющих форму сожаления: *к сожалению; жаль, что...; остается пожалеть; можно только пожалеть*. В некоторых случаях отрицательная оценка выражается посредством предикативов *странно; непонятно; неясно*, некатегоричность которых проявляется через перевод объективной оценки в субъективную: автор отзыва косвенным образом указывает на то, что выявляемые им недостатки рецензируемой диссертации являются не объективным фактом, а результатом его субъективного восприятия. Встречаются хеджи с подобным значением и в виде безличных глагольных конструкций: *остается неясно; остается непонятным*. Безличные формы тоже смягчают отрицательные оценочные суждения.

Довольно часто с помощью хеджей оформляются пожелания автору диссертации от лица оппонента. Как правило, для этого используются формы сослагательного наклонения и сравнительные формы прилагательных и наречий: *было бы полезно; было бы корректнее; лучше было бы; естественнее было бы назвать; было бы интересно; было бы уместнее; точнее было бы*. Сослагательное наклонение, вероятно, является наилучшим способом выражения некатегоричных рекомендаций и пожеланий.

Что касается хеджей-рефлексивов, выражающих оценку употребляемых автором отзыва слов, то такие хеджи встречаются реже других. Среди них попадаются как стереотипные (*так называемый; так сказать; скорее; можно сказать*), так и более редкие выражения (*условно говоря; вообще говоря; в определенном смысле; в некотором привычном практически смысле*). Их главная функция – модифицировать содержание высказывания в сторону неопределенности. Они демонстрируют неуверенность и сомнения автора в выбранных им словах, указывают на их условность, неточность. Именно эти хеджи были предметом исследования Дж. Лакоффа [20].

Заметим, что хеджам присущ не только внутренний синкретизм, когда они демонстрируют несколько одновременно проявляющихся функций, связанных со снижением категоричности. Хеджи часто образуют синкретичные дискурсивы с интенсификаторами (бустерами): *нам кажется важным; точнее было бы сказать; можно уверенно констатировать; хотелось бы подчеркнуть* и др. В таких случаях семантика лексем в составе этих дискурсивов и/или их грамматическая форма могут одновременно и интенсифицировать, и деинтенсифицировать сказанное. Несмотря на кажущееся противоречивое содержание этих дискурсивов, они тем не менее довольно типичны для научного дискурса, где любое высказывание даже с небольшой долей категоричности может хеджироваться.

Заключение. Проведенное исследование показало, что синкретизм является типичным способом проявления функций хеджей в жанре отзыва на диссертацию. В процессе анализа были выделены специализированные хеджи, реализующие только функцию снижения категоричности, и синкретичные хеджи, одновременно реализующие несколько хеджирующих функций, среди которых снижение категоричности считается нами дополнительной. Кроме того, показана возможность выделения хеджей, сочетающих функции снижения и повышения категоричности. Синкретичные хеджи составляют в нашем материале примерно половину от всех хеджей и отличаются разнообразием функций. Наиболее частотной разновидностью синкретичных хеджей являются авторизирующие конструкции и перформативы, чей хеджирующий потенциал связан с реализацией стратегий субъективизации и деперсонализации, позволяющих авторам смягчать свои научные утверждения, уводить свою фигуру на задний план, тем самым переводя акцент со своей фигуры на содержание высказывания, что в целом способствует большей объективизации изложения. Стратегия неопределенности характерна для хеджей-рефлексивов, с помощью которых автор сигнализирует о возможной неточности, условности своих слов и высказываний или своей неуверенности в их выборе. Оценочные хеджи демонстрируют некатегоричные способы выразить свое непонимание того или иного содержания, высказать сожаление по поводу каких-либо неудач соискателя в рамках своей диссертации или выразить пожелания соискателю. Синкретичные хеджи позволяют автору одновременно реализовать несколько дискурсивных функций в рамках

авторской самопрезентации и взаимодействия автора и адресата. Частотность синкретизма на уровне хеджей можно объяснить в первую очередь первоначальной неоднозначностью и нерасчлененностью присущих хеджам субъективно-модальных значений, которые в общем можно охарактеризовать как изначально синкретичные, целостные. Как мы постарались показать, в функциях хеджей действительно проявляется свойственный человеческому мышлению естественный симбиоз чувственного и рационального.

Сделанные выводы о типах синкретичных хеджей и особенностях их функционирования основываются на проанализированном нами материале; для исследования других жанров предложенные подходы могут быть модифицированы. Исследование может быть и будет продолжено на материале других научных жанров и других сфер коммуникации, в том числе на материале других языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hyland K. Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse // *Discourse Studies*. 2005. Vol. 7, iss. 2. P. 173–192. DOI: 10.1177/1461445605050365.
2. Hyland K. Constructing proximity: relating to readers in popular and professional science // *J. of English for Academic Purposes*. 2010. Vol. 9, iss. 2. P. 116–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jjeap.2010.02.003>.
3. Carter R., McCarthy M. *Cambridge Grammar of English: A Comprehensive Guide. Spoken and Written English. Grammar and Usage*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
4. Fraser B. Pragmatic Competence: The Case of Hedging // *New Approaches to Hedging*. 2010. Vol. 9. P. 15–34. DOI: 10.1163/9789004253247_003.
5. Викторова Е. Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // *Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика*. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 10–15. DOI: 10.18500/1817-7115-2014-14-1-10-15.
6. Викторова Е. Ю. *Вспомогательная система дискурса*. Саратов: Наука, 2015.
7. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка / пер. // *Новое в лингвистике*. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 264–389.
8. Бабайцева В. В. Синкретизм // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. Бабайцева В. В. *Явления переходности в грамматике русского языка*. М.: Дрофа, 2000.
10. Штайн К. Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка // *Языковая деятельность: переходность и синкретизм: сб. ст. Вып. 7*. Ставрополь: СГУ, 2001. С. 11–26.
11. Высоцкая И. В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: дис. ... д-ра филол. наук / МГПУ. М., 2006.
12. Павлюковец М. А. Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономии: функциональный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СтавГУ. Ростов-на-Дону, 2009.
13. Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // *Вопросы языкознания*. 2011. № 3. С. 19–48.
14. Береснева В. А. *Лингвистический синкретизм: онтология и гносеология*. Киров: Изд-во Киров. гос. ун-та, 2011.
15. Высоцкая И. В. Неоклассика как профилактика методологического срыва // *Język i metoda*. 2016. № 3. S. 107–116.
16. Санжарова О. Н. Синкретизм: когнитивные истоки происхождения и когнитивные основания // *Изв. ВГПУ. Филологические науки*. 2020. Т. 146, № 3. С. 120–125.

17. Коновалова Н. И. Креативный синкретизм речевых жанров угрозы и задабривания в сакральных текстах традиционной народной культуры // Уральский филологический вестн. Вып. 29. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. № 2. С. 257–269. DOI: 10.26170/ufv20-02-23.
18. Перфильева Н. П. О синкретизме вводных единиц с семантикой «я думаю» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2019. № 2. С. 157–170.
19. Викторова Е. Ю. Синкретизм дискурсивных слов // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 14–21.
20. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Chicago Linguistic Society Papers. 1972. No. 8. P. 183–228.
21. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
22. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.
23. Hübler A. Understatements and Hedges in English. Amsterdam: John Benjamins, 1983.
24. Martín-Martín P. The mitigation of scientific claims in research papers: A comparative study // Intern. J. of English Studies. 2008. Vol. 8, no. 2. P. 133–152.
25. Норман Б. Ю., Плотникова А. М. Конструкции с местоимением мы: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (34). С. 126–138. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.10.
26. Шмелева Т. В. Вежливость в научном дискурсе // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы междунар. научн. конф., Москва, 23–24 окт. 2018 г. М.: РГГУ, 2018. С. 300–307.

Информация об авторе.

Викторова Елена Юрьевна – доктор филологических наук (2016), доцент (2009), профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия. Автор более 70 публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, научный дискурс, медиадискурс, интернет-дискурс, дискурсивные слова, коммуникативистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 09.03.2023; принята после рецензирования 12.04.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Hyland, K. (2005), "Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse", *Discourse Studies*, vol. 7, iss. 2, pp. 173–192. DOI: 10.1177/1461445605050365.
2. Hyland, K. (2010), "Constructing proximity: relating to readers in popular and professional science", *J. of English for Academic Purposes*, vol. 9, iss. 2, pp. 116–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2010.02.003>.
3. Carter, R. and McCarthy, M. (2006), *Cambridge grammar of English: A comprehensive guide. Spoken and written English. Grammar and usage*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
4. Fraser, B. (2010), "Pragmatic Competence: The Case of Hedging", *New Approaches to Hedging*, vol. 9, pp. 15–34. DOI: 10.1163/9789004253247_003.
5. Viktorova, E.Yu. (2014), "Discursive Words: Uniformity in Diversity", *Izvestiya of Saratov Univ. Philology. Journalism*, vol. 14, iss. 1, pp. 10–15. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2014-14-1-10-15>.
6. Viktorova, E.Yu. (2015), *Vspomogatel'naya sistema diskursa* [Supportive System of Discourse], Nauka, Saratov, RUS.
7. Hjelmslev, L. (1960), "Prolegomena to a theory of language", *Novoe v lingvistike* [New Theories in Linguistics], Transl., iss. 1, Moscow, USSR, pp. 264–389.
8. Babaitseva, V.V. (1990), "Syncretism", *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedian Dictionary], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR.

9. Babaitseva, V.V. (2000), *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Transitional Phenomena in Russian Grammar], Drofa, Moscow, RUS.
10. Shtain, K.E. (2001), "Transitivity and syncretism in connection with the activity approach to language", *Yazykovaya deyatelnost': perekhodnost' i sinkretizm* [Language activity: Transitivity and Syncretism], iss. 7, Stavropol', SGU, RUS, pp. 11–26.
11. Vysotskaya, I.V. (2006), "Syncretism in the System of Modern Russian parts of speech", Dr. Sci. (Philology) Thesis, MGPU, Moscow, RUS.
12. Pavlyukovets, M.A. (2009), "Syncretism in English morphology and syntax as a sign of language economy", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, StavGU, Rostov-na-Donu, RUS.
13. Pimenova, M.V. (2011), "Syncretism in lexical semantics manifesting the linguistic asymmetry between form and meaning", *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 3, pp. 19–48.
14. Beresneva, V.A. (2011), *Lingvisticheskiy sinkretizm: ontologiya i gnoseologiya* [Linguistic Syncretism: Ontology and Gnosiology], Izd-vo Kirov. gos. un-ta, Kirov, RUS.
15. Vysotskaya, I.V. (2016), "Neoclassics as prevention of methodological breakdown", *Język i metoda*, no. 3, s. 107–116.
16. Sanzharova, O.N. (2020), "Syncretism: cognitive origins and cognitive foundation", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical Univ. Philology*, vol. 146, no. 3, pp. 120–125.
17. Konovalova, N.I. (2020), "Creative syncretism of speech genres threats and appeasement in sacred texts of traditional folk culture", *Ural Philological Herald. Iss. 29, Ser. language. System. Personality: the Linguistics of Creativity*, no. 2, pp. 257–269. DOI: 10.26170/ufv20-02-23.
18. Perfilyeva, N.P. (2019). "The syncretism of introductory units with the meaning "i think"", *Moscow Univ. Philology Bulletin*, no. 2, pp. 157–170.
19. Viktorova, E.Yu. (2014), "Syncretism of Discursive Words", *Izvestiya of Saratov Univ. New Series. Ser. Philology. Journalism*, vol. 14, iss. 3, pp. 14–21.
20. Lakoff, G. (1972), "Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts", *Chicago Linguistic Society Papers*, no. 8, pp. 183–228.
21. Teliya, V.N. (1986), *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of semantics of nominative units], Nauka, Moscow, USSR.
22. Brown, P. and Levinson, S. (1987), *Politeness: Some universals in language usage*, 2nd ed., Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
23. Hübler, A. (1983), *Understatements and Hedges in English*, John Benjamins, Amsterdam, NLD.
24. Martín-Martín, P. (2008), "The mitigation of scientific claims in research papers: A comparative study", *Intern. J. of English Studies*, vol. 8, no. 2, pp. 133–152.
25. Norman, B.Yu. and Plotnikova, A.M. (2016), "Structures with the pronoun *мы*: formation of actual and occasional collective identity", *Novosibirsk State Pedagogical Univ. Bulletin*, no. 6 (34), pp. 126–138. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.10.
26. Shmeleva, T.V. (2018), "Politeness and Anti-politeness in Language and Communication", *Politeness and Antipoliteness in Language and Communication: Proceedings of the International Scientific Conference*, Moscow, RUS, Oct. 23–24 2018, pp. 300–307.

Information about the author.

Elena Yu. Viktorova – Dr. Sci. (Philology, 2016), Professor (2009), Professor at the Department of Romance-Germanic Philology and Translation, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya str., Saratov 410012, Russia. The author of more than 70 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, academic discourse, media discourse, Internet discourse, discourse markers, communication studies.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 09.03.2023; adopted after review 12.04.2023; published online 21.09.2023.*